

Капитан вел корабль
через пояс астероидов.

Он думал о тех, кто
остался позади.

Впереди было
неизвестное.

Но он должен был идти.

Потому что

выбора не

ЧУЖИЕ СЛОВА

АРКАДИЙ БОРИСОВ

Аркадий Борисов

Чужие слова

«Автор»

2026

Борисов А.

Чужие слова / А. Борисов — «Автор», 2026

Павел Сомов — обычный инженер-теплотехник, чью искреннюю, но неуклюжую прозу годами никто не читает . Всё меняется, когда в Сети появляется загадочный редактор под ником Сова . Безжалостно вычищая из текстов Павла лишний пафос, Сова дарит ему «чужие слова» . Внезапно приходит всё, о чём Сомов мечтал: сетевая слава, восхищение сына, признание начальства и вернувшаяся нежность жены . Лощёные тексты и безупречные рабочие отчёты разлетаются на ура . Вот только пишет их больше не он. Сова — не человек, а безупречный алгоритм, незаметно забирающий руль его жизни . Это история не о восстании машин, а о тихой, добровольной капитуляции человека перед комфортом . Сколько истинного тепла может уйти из души, пока в окнах дома ещё горит свет успеха? И можно ли вернуть собственный голос, если ты сам согласился замолчать ?

© Борисов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Чужие слова	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Чужие слова

Чужие слова

— У Семёновых-то сын на бюджет прошёл, представляешь, — сказала Нина и переставила солонку левее. — А наш по математике опять скатился, я Зинаиде Павловне звонила — способный, говорит, да ленится. И плитку в ванной пора менять, отваливается уже, а денег нет.

Павел всё ещё держал в уме недосчитанный за день проект и из всего, что говорила жена, расслышал только самый конец.

— Можно эпоксидкой пока, — отозвался он невпопад. — Прихватить, чтоб не падала.

Нина посмотрела на него, потом мимо, на тёмное окно, и махнула рукой. Митя сидел в наушниках, гонял по тарелке остывшую котлету, и от телефона у него синела щека. Павел собрался было рассказать, как днём, на Вокзальной, нашёл наконец, где здание всю зиму гонит тепло в трубу, — открыл рот, поглядел на затылок жены, на синюю щёку сына и доел молча.

Поднялся он, когда оба уже спали. На тёмной кухне светился только холодильник, вздрагивая и бросая блики на кафель, да из-под двери к Мите сочилось синее свечение. Павел дождался, пока чайник засвистит, налил полстакана и сел за ноутбук, к повести.

«Стальное небо его сердца разверзлось грозowymi тучами невысказанных слов». Он перечитал это шёпотом и сглотнул, будто проглотил что-то крупное и сладкое. Капитан Эдуард вёл свой крейсер сквозь пояс астероидов, один против целого холодного космоса, — и лучшей строки, чем эта, Павел, кажется, ещё не писал. Чай он отодвинул на край стола, подальше, чтобы на скатерти не осталось мокрого круга.

Внизу страницы стояло число просмотров: четыре. Павел обновил её — снова четыре, и два из них он накрутил сам, в разные ночи, когда не мог уснуть. Восьмой месяц повесть не открывал никто, кроме него, — а он открывал её каждую ночь.

Один-единственный раз, давно, в первую неделю, заглянул под неё кто-то чужой и оставил две строки: что вот это, про стальное небо сердца, — про него самого, что и у него в груди такое же, и некому сказать. Имени не назвал и больше не вернулся. Но слова эти Павел знал наизусть и ради них, если честно, и не бросал — а ну как ещё кто-нибудь однажды узнает в капитане себя.

* * *

По средам в бюро собиралось совещание, и комната под него отводилась всегда одна — с единственным окном на трансформаторную будку, что гудела за стеклом ровно и нудно, без выходных и праздников. Павел садился с краю, у батареи, которую сам когда-то и рассчитывал, грел об неё спину и ждал своей очереди. Доходила она до него последней, когда кофе в одинаковых кружках уже остыл, а половина стола слушала вполуха.

В одну из таких сред он всё-таки решился — развернул перед Гладышевым салфетку, исчерченную с ночи стрелками, и стал объяснять, как поймать тепло, что бюро год за годом гонит в трубу вместе с вытяжкой.

— Вот смотрите, оно уходит здесь и здесь, — говорил Павел, ведя карандашом, — а если поставить теплообменник на обратку, вот сюда, оно вернётся в систему...

Карандаш цеплялся за рыхлую бумагу, линия рвалась, Павел начинал заново, сбивался, тыкал в прорванное место и снова заводил про обратку и вытяжку. Гладышев слушал, постукивая дужкой очков о стол, потом снял очки и потёр переносицу.

— Сомов, — сказал он устало, — я не пойму, ты предлагаешь или жалуешься.

За столом хохотнули, кто-то закашлялся в кружку. Карандаш в пальцах у Павла хрустнул и переломился пополам. Он сложил салфетку вчетверо, сунул в карман и до конца совещания не открыл больше рта. Идея легла в стол.

Следом поднялся Зайцев из соседнего отдела — молодой, в свитере крупной вязки, говоривший так, будто перед каждым словом стелил слушателю ковровую дорожку. Он обошёлся без бумажек: вывел на экран картинку, где стрелки были не от руки, а ровные, разноцветные, с подписями, и в три гладкие фразы предложил понатыкать по зданию новых счётчиков — чтобы видеть потери, как он выразился, в реальном времени.

— Вот это по делу, — сказал кто-то, и все покивали, и счётчики заказали в тот же месяц.

Проку от них вышло меньше, чем от порванной бумажки, но бумажку Павел к вечеру выбросил, а картинку Зайцева распечатали и повесили в коридоре, у входа. Так и относились в бюро к Павлу — как к исправной батарее: пока греет, не замечают, спохватываются, когда остынет. Он грел, не поднимая головы, и остывать пока не думал.

По ночам, на «Самотёке», слова у него находились сами — пускай чужие, пышные, заёмные, но хоть какие-то.

* * *

На другой день под главой висел комментарий — первый за все восемь месяцев.

Оставил его кто-то под именем Сова — серый кружок, ни картинки, ни единого слова о себе. И ниже:

«„Стальное небо его сердца“ — вы свинтили в три слова небо, сталь и сердце, и фраза под ними оседает, как перекрытие под лишней нагрузкой. Оставьте что-нибудь одно».

Павел перечитал раз, другой, и челюсти у него сошлись, в висках застучало. Три года он шлифовал это стальное небо, оно ему снилось, — а какая-то Сова в один присест велела оставить от трёх слов одно. Он бросился печатать: что искусство дано не каждому, что есть метафора, а есть буквоедство, что большие вещи не сразу находят читателя. Перечитал, услышал в этом голос человека, которого не читают, и стёр всё разом, придержав клавишу так, что та провалилась с сухим щелчком. Написал короче и злее — стёр и это. Захлопнул крышку, лёг и до света глядел в потолок, поклявшись, что больше на сайт не зайдёт.

Утром, на работе, между расчётом теплопункта и совещанием, на котором Гладышев в седьмой раз объяснял, что сроки горят, фраза повернулась к нему другим боком: стальное небо сердца — и правда ведь перегруз. Павел под столом открыл повесть и одним движением, от которого защемило под рёбрами, вычеркнул небо и сталь. Осталось: «Капитан молчал». Голее, беднее, без единого красивого слова — и крепче.

* * *

Выкладывал он теперь главу за полночь и не успевал отхлебнуть стынувшего чая, как под нею уже сидела её строчка — короткая, сухая, в самое больное место. Отвечала Сова мгновенно, в любой час, будто на той стороне и не ложились, — но об этом Павел тогда не думал.

В первую же ночь он выложил, как звёзды рыдали в чёрной бездне космоса, и тут же получил ответ: «В космосе вакуум, слёзы вскипают. Напишите, что капитану было одиноко, — про звёзды читатель сам поймёт». Павел отодвинулся от стола и сказал тёмному окну вполголоса, как живому обидчику:

— Да это же образ. Музыка фразы, если хотите.

Окно не ответило — за спиной ровно гудел холодильник, а к рассвету Павел стёр звёзды и написал, что капитану было одиноко.

В другой раз он утопил в женских глазах-колодцах любого мужчину, какой подвернётся, и Сова отозвалась: «Одного утопить можно. Двоих — уже происшествие, вызывайте спасателей». Павел хохотнул в темноте, оглянулся на дверь спальни, поспорил с окном для порядка, да поутру колодцы и убрал.

Когда обшивка крейсера у него застонала под метеорами раненым зверем, Сова заметила, что обшивка не зверь, да и стон тут дважды — «как один кран, дважды заложенный в смету». На смете Павел запнулся и поднял глаза от экрана: про сметы он Сове сроду не писал. Поскрёб

щетину, решил, что присказка такая, и забыл — как забывают мелкую занозу, которая ещё кольнёт.

Так оно и шло, ночь за ночью: и реку забвения, что текла у всех до него, и тишину, которую он резал ножом в каждом втором романе, — всё это Сова вычёркивала коротко и насмешливо, и всё это он, поспорив для виду с тёмным окном, вычёркивал наутро сам. Текст под её рукой худел и твердел, и, перечитывая, Павел всякий раз видел: голая фраза стоит крепче вчерашней пышной. Спорил он день ото дня всё тише.

Раз он отдал Сове целую сцену — прощание капитана с погибшей планетой, над которой бился три вечера, — и получил её назад вдвое короче. Ни одного любимого слова не уцелело. Павел приготовился злиться, начал читать — и к середине у него защипало в носу, по-настоящему, чего не случалось от собственных строк, выстраданных за три вечера. Он прочёл сцену дважды, вслух, шёпотом, в тёмную кухню. Это было лучше, чем он умел.

* * *

К середине весны Павел взбунтовался. Опротивело сдаваться и смотреть, как из выстраданного остаётся чужой огрызок, — и он написал главу по-своему, от первого слова до последнего, как писал в те восемь месяцев, когда был один. Писал всю ночь, навалившись грудью на стол, не жалея ни стального неба, ни рыдающих звёзд, ни рек забвения, вывалил на капитана Эдуарда всё, что копилось годами, и под серое утро выложил на сайт. Вот вам настоящий Сомов, без няньки.

Глава ушла на дно, как уходили прежние. Павел обновлял страницу за завтраком, в метро, в обед, в курилке — счётчик стоял. Ни одного нового читателя, а те немногие, что привыкли уже к ясному, новому Сомову, тихо отвалились, не дочитав. Полярник_61, самый верный, написал к ночи коротко: «Что-то ты, друг, сдал». И больше ничего.

Ночью Павел сел перед мёртвым счётчиком и долго не вставал. Своя глава, та самая, без няньки, всё ещё ему нравилась — живая, со стальным небом и рыдающими звёздами, нравилась ему одному. Он водил пальцем по краю остывшей кружки и обновлял страницу: цифра не двигалась, будто примёрзла, и поверх неё одиноко висело «сдал» Полярника.

Перед рассветом Павел открыл в соседнем окне чат с Совой, подержал палец над клавишей — и стёр со страницы настоящего Сомова без няньки, до последней буквы. Скопировал главу Сове, дождался, пока вернётся чистой, выложил заново. К полудню под ней стояли двое новых, а Полярник_61 отписался: «Ну вот, другое дело». Павел перечитал это и выдохнул.

* * *

Кто она была, Павел не знал и спросить не решался — боялся спугнуть. Ночами, дожидаясь её правки, он понемногу её придумывал. По тому, как сухо и точно она резала фразу, выходила старая редакторша — из тех, что вымерли вместе с бумажными книгами. А раз отвечает и в час ночи, и в четыре — стало быть, живёт одна и давно не спит. И правит чужое, потому что своего не написала, а без этого ей не жить, как иному без курева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.